

Б. ЛАУМАНЕ, А. НЕПОКУПНЫЙ

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ОБ АТЛАСЕ МОРСКОЙ И РЫБОЛОВЕЦКОЙ ЛЕКСИКИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

1.0. Современный немецкий языковед Ганс Кун выдвинул интересную теорию о том, что моря не разъединяют, а сближают народы и потому становятся своеобразными „центрами языковых территорий“ („*Meere als Sprachraummiten*“)¹. Море как фактор всесторонней этнической конвергенции оценивалось еще античными авторами, и Цицерон неодобрительно писал: „приморским городам свойственны, так сказать, порча и изменение нравов, ибо они приходят в соприкосновение с чужим языком и чужими порядками... Жители этих городов уже не чувствуют привязанности к насиженному месту; нет, крылатые надежды и помыслы увлекают их вдаль от дома, и даже тогда, когда они сами остаются на родине, в душе они все же удаляются прочь и странствуют“².

1.1. В ареале Балтийского моря выделяется ряд языков различного происхождения, характеризующихся в своих фонологических системах словоразличительной корреляцией движения тона, или политонией. В „балтийский политонический союз“, как его, выделив, назвал Р. Якобсон, кроме балтийских языков (в том числе и древнепрусского), входят ливский и эстонский, севернокашубские говоры, некоторые немецкие прибалтийские говоры, датские говоры восточного Шлезвига и соседних островов, шведский и норвежский языки. В плане внутреннем для этого союза характерно, что мелодическая корреляция тонов, кроме собственно балтийских языков, является для „союзников“ новой чертой, в плане внешнем — то, что эта особенность является как бы исключением, так как „языкам Евразии решительно чужда политония во всех ее видах“³.

¹ Н. Kuhn, *Zur Gliederung der germanischen Sprachen* — „*Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*“, LXXXVI (1955), 16 и сл. (Приводится по книге: В. М. Жирмунский, *Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков*, — Наука, Москва—Ленинград, 1964, 287. Мнения об этой теории см. Там же, 287—288 и 290.)

² Цицерон, *О государстве*, книга вторая, IV, 7 — в кн.: Е го же. *Диалоги*, — Наука, Москва, 1966, 36.

³ Р. Якобсон, *К характеристике евразийского языкового союза* — в кн.: R. Jakobson, *Selected writings, I, Phonological studies*, 's-Gravenhage, 1962, 157—159.

По-видимому, также нельзя рассматривать вне плана этой балтийской ареальной общности и явление монофтонгизации, которое как частичное относительно некоторых дифтонгов (*ai*) характерно для западных, приморских областей Латвии (северная часть Курземе) и Литвы (Жемайтия), с одной стороны Балтийского моря⁴, и как полное — для нижненемецкого, датского и шведского — с другой⁵. В противоположность этому новшеству сохранение индоевропейских дифтонгов *ai*, а также *au*, *ou* в периферийных шведских диалектах, норвежском, верхненемецком представляет собой архаизм⁶, как и соответствующие явления вокализма в большей части говоров современных балтийских языков.

Известны случаи, когда лексемы того или иного происхождения распространены почти во всех языках побережья Балтийского моря. Так, если в балтийских языках лат. *puika* „мальчик“ (откуда и лит. *puika* „то же“), считается заимствованием из эст. *poeg*⁷, то в нижненемецком Шлезвиг-Гольштейна *poig* — „малыш“, *poigix* „детский, болезненный, плаксивый“ является датским элементом (*Poik*, диал. *poig* „то же“, прил. *poigə*), связанным со швед. *pojke* из финск. *poika* „мальчик, сын“⁸. Таким образом, прибалтийско-финская лексема *poeg/poika* в виде подковы, открытой на юг, охватывают финно-угорские, балтийские и германские языки окрестностей Балтики.

Очень четко был сформулирован тезис о лингвистически объединяющем характере Балтийского моря на VIII Международном ономастическом съезде. Подчеркнув „бесчисленность“ лингвистических и ономастических проблем контактов между противоположными берегами Балтики, Карл-Эрик Торс привел ряд примеров распространения скандинавских групп топонимов на прибалтийско-финских территориях⁹.

В исследовании балто-германских отношений связям балтийских языков со скандинавскими уделялось мало внимания. Вместе с тем в языках скандинавских визави балтов даже при попутном знакомстве можно обнару-

⁴ J. Endzelins, *Baltu valodu skaņas un formas*, Rīgā, 1948, § 24.

⁵ L. Zabrocki, *Z rozwoju dyftongów ie., ai, au, ou w językach germańskich*, PF, XVIII (1963) — I, 234.

⁶ Там же, 247.

⁷ См. E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I, 1962, 661 (со ссылкой на В. Томсена).

⁸ K. N. Bock, *Niederdeutsch auf dänischem Substrat. Studien zur Dialektgeographie Sudostschleswigs*, Kopenhagen—Marburg, 1933 (*Deutsche Dialektgeographie*, XXXIV), 118. Ср. также разговорные формы в современном датском: *pog* „мальчуган, малыш“, *pogeskole* „начальная школа“ (в Дании).

⁹ С.-Е. Thors, *The Baltic as a separating and a unifying element in the formation of place-names — „Proceedings of the Eighth international congress of onomastic sciences“*, The Hague — Paris, 1966, 530 и след.

жить интересные схождения с балтийскими фактами в словообразовании, в частности, топонимическом, семантике и пр.¹⁰

Однако лингвистические взаимосвязи между странами Балтики с участием широкого круга языков могут быть глубоко изучены только на основе единой программы, исходящей из общей физико-географической среды, издавна определявшей характер занятий населения. Такой средой является море, занятием — рыболовство и мореплавание. Именно в этой области — области изучения морской и рыболовецкой лексики — и следует видеть дальнейший прогресс в исследовании языковых и этнических взаимосвязей в окрестностях Балтийского моря, в том числе, и балто-скандинавских. В частности, если лат. *kugis*, *kug'e* „корабль“ выводят из средненижненем. *kogge* или швед. *kogg* „то же“ (МЕ, II, 300), то к этому важно добавить, что „по меньшей мере часть географических названий с *Kugg-* и *Kogg-* на побережье Финского и южной части Ботнического заливов должна быть связана с названием типа корабля *kogg*, *koggo*, *kugg*, употреблявшимся фризскими (и, конечно, также другими) купцами“¹¹.

1.2. Накануне II мировой войны возникла идея о создании атласа морской и рыболовецкой терминологии бассейна Средиземного моря. По сравнению с диалектологическими атласами Средиземноморский лингвистический атлас поставил ряд новых вопросов и задач, как применение методов лингвистической географии к разноязычной территории, установление наиболее типичных проявлений межязыковой конвергенции, оценка неравномерного характера самого лингвистического пространства морского побережья, поскольку „пункты, географически наиболее удаленные, но связанные между собой интенсивным обменом оказываются в действительности более близкими, чем смежные пункты, лишенные тесных контактов“¹² и др. Лингвистический атлас Средиземноморья будет также значительным историко-культурным событием как одно из средств воссоздания древнейших этнических отношений в этом районе земного шара. В настоящее время над подготовкой данного атласа работает ряд стран, в том числе и Советский Союз¹³.

¹⁰ См., например: О. Н. Трубачев, Заметки по этимологии и ономастике (на материале балто-германских отношений) — „Питання ономастики“, — Наукова думка, Київ, 1965, 21 и сл.; А. П. Непокупный, Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений, — Наукова думка, Киев, 1964, 31 и сл., его же, Лингво- и зоогеографические замечания к взаимосвязи балт. *gulbis* и слав. *кѣлрь*, „*Baltistica*“, II (1), 1966, 82.

¹¹ V. Nissilä, Friesisch-niederländisches in der finnischen Namengebung — „Proceedings of the Eighth international congress of onomastic sciences“, The Hague — Paris, 1966, 346.

¹² M. Deanović, Atlanti plurilingui, „Communications et rapports du Premier Congrès International de Dialectologie générale“. II. Atlas et géographie linguistiques, Louvain, 1964, 33.

¹³ См. А. А. Bielecki, La raccolta della terminologia marinara e peschereccia nell'Unione Sovietica per l'ALM. — Bolletino dell'Atlante Linguistico Mediterraneo, №7 (1965), 55 — 59.

По примеру Средиземноморского лингвистического атласа были высказаны пожелания и намерения разработки аналогичных атласов других морей. В частности, инициаторами создания атласов морской и рыболовецкой лексики бассейна Северного и Балтийского морей выступили скандинавские лингвисты Пер Ховда (Осло) и Ивар Модер (Упсала)¹⁴. Однако со смертью последнего дальнейшая судьба идеи Балтийского атласа нам неизвестна.

2.0. Хотя хорошо известно, что балты жили у моря уже в начале нашей эры, что в наши дни протяженность береговой линии Латвии и Литвы достигает шестисот километров, языковеды мало обращались к исследованию морской и рыболовецкой терминологии балтийских народов. Скучно отражена лексика морского рыболовства в опубликованных диалектных материалах¹⁵, а специальные, бóльшие или меньшие собрания ее существуют в виде рукописей¹⁶ или картотек¹⁷. В латышской и в литовской диалектологических программах только три (соответственно: два и один) вопроса связано с рыболовством (названия видов пресноводных рыб).

Следует отметить, что вообще существующие и создаваемые в настоящее время диалектологические атласы как ориентированные на континент являются в смысле специализации атласами сельскохозяйственной лексики, и поэтому традиционные диалектологические программы могут дать для исследования языка рыбаков и мореходов почти столько же, сколько сельскохозяйственный инвентарь — для рыболовства. С этой точки зрения поморские районы диалектологических атласов остаются фактически необследованными и нуждаются в новом изучении, как это показала Ж. Масиньон на примере „морского дополнения к лингвистическому атласу Запада Франции”¹⁸.

¹⁴ M. Deanović, A propos de la réalisation de l'Atlas Linguistique Méditerranéen, — Proceedings of the Eight international congress of linguists, Oslo, 1958, 430. В 1961 г. П. Ховда опубликовал монографию о названиях (апеллятивах) мест рыбной ловли, ориентируемых относительно растительности на берегу, а также высот, глубин и т. п. (P. Hovda, Norske fiskeméd. Landsoversyn og to gamle médbøker, Oslo—Bergen, 1961). В библиографии к этому исследованию указываются работы И. Модера, в частности о лексике рыболовства в ареальном аспекте, как например: I. Modéer, Norska ordstudier. Två bidrag til fiskets ordgeografi, Uppsala (Wiesbaden), 1953.

¹⁵ J. Plāķis, Zvejnieku rīki un daikti, — Etnografiskas ziņas par latviešiem (приложение к „Dienas Lapas“, II, 1892, 105—108. Е го же, Kursenieku valoda, — Latvijas Universitātes raksti, XVI, R., 1927, 34—124. Более полное собрание материала см. в: J. Gerullis, Chr. Stang'as, Lietuvių žvejų tarmė Prūsiose, Kaunas, 1933, 80—105.

¹⁶ I. Elisonas, Žvejybos žodynas lietuvių kalba (фотокопия рукописи, Вильнюс).

¹⁷ Наибольшая в Таллине (свыше 10 тысяч единиц).

¹⁸ G. Massignon, Un Supplément maritime à l'Atlas linguistique de l'Ouest de la France, — Bollettino dell'Atlante Linguistico Mediterraneo, № 4 (1962), 24 и сл.

Если даже в региональных атласах, непосредственно связанных с поморьем (как во Франции — только что названный или в Польше — кашубский) скудно представлена тема рыболовства, то тем труднее ожидать ее развития в общенациональных атласах, какими являются подготавливаемый литовский и латышский.

2.1. Вместе с тем для Литвы и Латвии исследование приморских говоров именно в морском и рыболовецком аспекте имеет особое значение, потому что литовское и латышское поморье — это территория куршей и ливов, первые из которых исчезли, оставив после себя значительные следы в Курземе и Жемайтии, а вторые и в настоящее время продолжают оказывать влияние на латышский язык. Изучать ливский язык и реликты куршского вне рыболовства и мореплавания невозможно¹⁹, а если иметь ввиду широкий пространственный характер такого рода занятий, то, очевидно, и соответствующую терминологию этих этносов нельзя анализировать вне языка „тружеников моря“ в других районах Балтики.

Весьма вероятно, что в рыболовецкой лексике западнокурземского побережья удастся найти новые данные о языке куршей. Для примера укажем на следующее. Наречие *pramiški* (вар. *pramišš²*, *premiš*) — литер. *pramišus* „вперемежку“, отмеченное прежде в более глубинных местностях Курземе (Злекас, Иванде, а также Дундага) — (МЕ, III, 376), хорошо известно, как показали экспедиции по изучению латышской рыболовецкой лексики, в речи рыбаков западнокурземского побережья и в прилегающих к нему говорах: *prameišus* (Лиепая), *pramiši* (Падуре), *pramiški* (Колка), *pramišku* (Сикрагс), *premiški* (Овижи), *premišus* (Сталдзене), причем в последних двух случаях, помимо значения „вперемежку“ (например, накладывать доски при постройке лодки так, чтобы край одной заходил за край другой), это наречие означает также „неровно“, „неправильно“. Следовательно, можно говорить о существовании в куршском языке (как в литовском и прусском, но в отличие от латышского), префикса *pra-*.

Следы куршского языка следует ожидать также и в речи морских рыбаков Литвы, так как в районе Паланги и Клайпеды до XIII ст. жили, главным образом, курши. Наконец, необходимо упомянуть и о курсениеках — ныне почти исчезнувших жителях Куршской косы и о попытках связать их происхождение с куршами²⁰.

¹⁹ Как известно, курши были хорошими мореплавателями и достигали, по свидетельству древних хроник, а также исландских саг, побережья Дании и Швеции (См. Indriķa Līvoniņas hronika, Rīgā, 1936, 28, 78—79).

²⁰ J. Plāķis, Baltu tautas un ciltis, — Latvieši, Rīgā, 1930, 49.

При этом надо помнить, что воссоздаваемая морская и рыболовецкая терминология куршей среди балтийских языков будет наиболее древней, поскольку в старейшем балтийском лексикографическом (и вообще — письменном) памятнике — Эльбингском словаре, как отметил В. Мажюлис, „мало внимания обращено на терминологию судоходства и рыболовства, имевшим для пруссов большое значение“²¹.

2.2. Известно, что в путях формирования морской терминологии в том или ином языке нередко находит свое отражение прежняя, „внутриконтинентальная“ жизнь народа. Так, в бассейне Средиземного моря у двух народов — румын и турков, которые, придя из глубин континента начали создавать свою морскую терминологию, она формировалась за счет расширения сферы употребления слов, прежде относившихся исключительно к суше или рекам²².

Работа над лингвистическим атласом Балтики несомненно прольет свет как на состав, так и на способы складывания морской терминологии у различных, в том числе и у балтийских народов — важного свидетельства о характере первоначально занимаемой ими территории.

К этому же плану относится и связь между лексикой морского и пресноводного рыболовства, между которыми иногда происходит своеобразный терминологический обмен, что наблюдается, например, в смешении названий отдельных видов пресноводных и морских рыб из-за их внешнего сходства. Так в говорах взаимно меняют названия пресноводный налим (*Lota lota* L.) и морская белдюга (*Zoarces viviparus* L.), имеющие, разумеется, с разной степенью распространенности, в Польше термины соответственно *kwapra* и *kwap*, в Латвии — *vēdzele* и *lucis*.

Для программы поисков семантических параллелей в речи рыбаков стран Балтики следует иметь ввиду и ряд профессиональных фразеологизмов, указывающих, между прочим, на тесную связь тружеников моря с жизнью на берегу, например: *jūra balta kā ābele*, *jūra balta kā pupas ziēds*, *ziēmelis jāū vij pātāgu* и др.

2.3.1. Значительный интерес вызывают семантические параллели в области рыболовецкой лексики Балтийского моря. Укажем, в частности, на балто-кашубские. Так, кашубские рыбаки о беспокойном море говорят *wěsokie* // *wielgie morze*, т. е. „высокое // большое море“²³. Аналогичное выражение существует и у латышских рыбаков западного побережья Курземе:

²¹ Prūsų kalbos paminklai, Vilnius, 1966, 28.

²² M. Sala, Sur la terminologie maritime roumaine, — Bolletino dell'Atlante Linguistico Mediterraneo, № 7 (1965).

²³ B. Sychta, Element morski w kaszubskiej frazeologii, JP, XXXV (1955), 4.

šuōdien ir diža || *liēla jūra* — *nevaŗ iēt zvejā* (Рущава); *kad ir diža jūra, tad ir liēla vētra*; *mazi viļņi* — *maģa (= maza) jūra* (Швянтойи). К этому же примыкает и употребление в польском термина *góra* в значении „более удаленного от берега места в море“²⁴, с чем можно сопоставить лат. *aũgšjūrā* (Лиепая, Павилоста), *doties augšā* (Курземе) и несомненно также немецкий фразеологизм *auf hoher See* „в открытом (буквально высоком) море“. Кашубское *bieżęc* (букв. „бежать“) имеет значение „идти под парусом“²⁵. Точно в таком же смысле употребляется лат. *bēgt* и лит. *bēgti* в районе Клайпеды: *ar burām ka iēt, ta teĩc* — *bēg* (Нида, Куршская коса).

Уже и эти примеры свидетельствуют о том, что и на уровне морской и рыболовецкой лексики возможно изучение балто-славянских языковых отношений, хотя основное в этой области принадлежит, несомненно, балто-германским и балто-финским связям.

2.3.2. Древний характер балто-германских языковых связей обнаруживается в том, что общие для обеих групп термины связаны с примитивными условиями жизни, как например, названия лодки-однодеревки, ср. готск. *skip* „судно“, „челн (однодеревка)“ и лат. *šķibīt* „рубить“ и др.²⁶ Такой же характер имеют и заимствованные из северногерманских языков в балтийские названия для „паруса“ и возможно „весла“: лит. *žėglius* < *segl*, норв. *segl*, новошвед. *segel*, новодат. *sejl*; лат. *airis*, лит. *vāiras* < *ár, ór* новонорв. *aar*, древнешвед. *ār(a)*, новодат. *aare*²⁷.

На всеобщий характер этих терминов на Балтике указывают финск. *airo, seili*, эст. *aer, seil*²⁸, польск. *żagiel*.

При исследовании балто-германских контактов в области морской и рыболовецкой лексики должно быть акцентировано внимание на их конкретизации по языкам и диалектам с задачей установления отдельных изоглосс. Так, в связи с германским по происхождению названием налима *kvapa* интересно отметить то, что в латышских (Земгале, ливская часть Видземе) и шведских говорах эта лексема употребляется для обозначения чего-либо жирного и толстого, например, коровы и т. д., причем для названия налима в этих говорах употребляется другой термин²⁹.

²⁴ В. Ślaski, *Słownik rybacko-żeglarski i szkutniczy*, — *Slavia occidentalis*, IX (1930), 166.

²⁵ В. Sychta, Указ. соч., там же. См. и его же *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. I, A—G, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967: „b'eżęc... 3. „żeglować“. *Rēbacē b'ežQ po moŗu* (Przymorze)“ (107).

²⁶ См. Сравнительная грамматика германских языков, I, Германские языки и вопросы индоевропейской ареальной лингвистики, Москва, 1962, 72, 78.

²⁷ J. de Vries, *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*, Leiden, 1962, 467 и 12.

²⁸ Там же.

²⁹ См. В. Laumane, *Zivju nosaukumu cilme un izplatība latviešu valodā*, — *Latvijas PSR ZA Vēstis*, № 7 (240), 1967, 65; J. de Vries, *Nederlands Etymologisch Woordenboek*, Aflevering 3, Leiden, 1963, 372 (*kvabb, skvabb*).

В случае общего происхождения балтийских и германских терминов ценными являются факты полного семантического соответствия основ: ср. для понятия „доски на дне лодки“, а также „скамейка в лодке“ лит. *tilės* (ед. *tilė*) и производные — лит. *tyliandos*, лат. *tilandi*, *tilaudas*, *tilgaldi*, *tilati*, *tilavas* и др. (ареал основы охватывает все литовское и латышское побережье Балтики), с одной стороны, и древненорвежское *pilja* — с другой³⁰.

2.4. Исследуя лексику морского рыболовства и устанавливая происхождение отдельных терминов в латышском как заимствований из ливского или эстонского языков, следует принять к сведению, что этот ближайший адрес в ряде случаев может оказаться лишь ареальной, но не языковой (в собственном смысле этого слова) характеристикой обсуждаемой лексемы. Так, по мнению П. Шмита, многие названия из области морской фауны (как например, наименования рыб *ķilava*, *leste*, *salaka*, *vimba* и др.), источником которых обычно считаются прибалтийско-финские языки, в последних не имеют надежной этимологии и потому могут считаться заимствованиями из речи дофинского населения данной территории³¹. Аналогичным образом уже из сферы неживой природы к субстратным элементам в прибалтийско-финских языках возводят и около трех десятков географических терминов³².

2.5. При собирании и исследовании лексики рыболовства, особенно названий орудий лова (сеть, невод и т. д.) и средств плавания (лодка и ее части) нельзя обойтись без этнографического материала³³. Однако дело не только в методологии. В связи с быстрыми переменами в развитии материальной культуры (а это касается и рыболовства) вслед за древними „вещами“ из жизни уходят и древние „слова“, так что имея перед собой перспективу общей утраты материала³⁴, языковеды и этнографы должны объединить свои усилия по его собиранию.

³⁰ Н. Falk, *Altnordisches Seewesen, — Wörter und Sachen*; IV (1912), 48.

³¹ P. Šmits, *Valodas liecības par senajiem baltiem*, — *Latvieši, Rīgā*, 1930, 73.

³² Из выступления проф. П. А. Аристэ (Тарту) на конференции по топонимике северо-западной зоны СССР (Рига, 9.II.1967 г.).

³³ Среди республик Прибалтики наиболее значительные результаты в этом направлении достигнуты в Эстонии, где в настоящее время можно назвать работы А. Лутса, а в прошлом — И. Маннинена. См., в частности: А. Лутс, *Эстонское морское рыболовство в XIX—XX веках*, — *Советская этнография*, 1959, № 3, A. Luts, *Fischerei. Abriss der estnischen Volkskunde*, Tallin, 1964, I. Manninen, *Die Sachkultur Estlands*, I, Tartu, 1931 и др.

³⁴ Например, на западнокурземском побережье Латвии прежде традиционное здесь прибрежное рыболовство за последние двадцать лет полностью либо частично исчезло, потому что развился промышленный лов, сконцентрированный в ближайших благоустроенных портах — Лиенае, Павилосте, Вентспилсе, расположенных на расстоянии около 60 км друг от друга, так что между ними на морском берегу больше нет ни одного рыбацкого причала.

Наряду с установлением и исследованием лингвистических ареалов необходимо вести изучение и этнографической географии, которая также свидетельствует о связях между рыболовецким населением берегов Балтийского моря. Так, один тип крепления весла в лодке объединяет Видземское поморье Латвии, Эстонию, Финляндию, а также Швецию (встречается на широте Финского залива далее на южном и западном побережье) и Данию, тогда как другой отмечен в устье Вислы, на о. Готланд, в ближайших к нему районах Швеции и в Дании³⁵.

3. Постановка вопроса о создании Балтийского атласа морской и рыболовецкой терминологии в условиях, если можно так выразиться, „атласной раздробленности“ (когда даже атласы близко родственных языков имеют мало общего в своих вопросниках) представляется весьма перспективным начинанием как в плане исследования контактов семей (индоевропейская и финно-угорская) или группы языков (например, балтийские и скандинавские), так и в смысле изучения взаимоотношений между отдельными языками, в частности, балтийскими, не говоря уже о значении выводов, следующих из этих данных, для истории балтийских, германских, славянских и финно-угорских народов.

В настоящее время лозунг недели стран Балтийского моря, ежегодно проводимой в Ростоке, — „Балтика — море мира“ осуществляется в международном сотрудничестве ученых. Работает специальная комиссия по изучению берегов Балтийского моря, сессии которой уже состоялись в Хельсинки, Упсале, Торуне, Варнемюнде и ожидается в Вильнюсе, в котором с 1963 г. выходит „Baltica“ — международный ежегодник по вопросам четвертичной геологии и полеогеографии, динамики и морфологии берегов, морской геологии и неотектоники Балтийского моря. Силами ученых стран Балтики создается двухтомная история Балтийского моря³⁶.

Хотелось бы, чтобы примеру географов и геологов последовали также языковеды и этнографы стран Балтийского моря, „поскольку все исследования, касающиеся вопросов мореходства, неизбежно носят интернациональный характер“³⁷.

Институт языка и литературы АН Латвийской ССР Рига
Институт языковедения им. А. А. Потемнина АН Украинской ССР, Киев

³⁵ См. D. O. Zetterholm, N å „årfaste“, „Nordiska texter och undersökningar“, IX, 49.

³⁶ По информации доц. В. К. Гуделиса (Вильнюс), члена международной комиссии по изучению берегов Балтийского моря, редактора ежегодника „Baltica“.

³⁷ А. Э. Кристенсен, Изучение истории судостроения в Дании, Швеции и Норвегии, — Советская этнография, 6, 1966, 29.

JAUTĀJUMĀ PAR BALTIJAS JŪRAS ZVEJNICĪBAS UN JŪRNICĪBAS LEKSIKAS ATLANTU

Rezumējums

Atsevišķas Baltijas jūras areālā sastopamās valodas, kuras pēc savas izcelšanās ir ļoti dažādas, vieno vairākas kopīgas parādības fonētikā, bet jo vairāk leksikā. Daudz nozīmīga par Baltijas jūras krastos dzīvojošo tautu un valodu (baltu, skandināvu, Baltijas somugru) sakariem varētu dot Baltijas jūras zvejniecības un jūrniecības leksikas atlants.

Kaut arī zināms, ka balti dzīvo pie jūras jau mūsu ēras sākumā, taču zvejniecības leksikai lingvisti veltījuši maz uzmanības. Pētot jūras zvejas leksiku, jāizvirza jautājums par substrata elementu iespēju zvejniecības leksikā, piem., tādi ir ar jūras faunu saistītie nosaukumi, kas latviešu valodā aizgūti no lībiešu vai igauņu valodas, bet kam šais valodās trūkst drošas etimoloģijas. Īpašu vietu ieņem jautājums par kuršu valodas elementu saglabāšanos Rietumkurzemes piekrastes zvejnieku leksikā. Kuršu valodas pēdas, jādomā, glabā arī Lietuvas zvejnieku valoda, jo Lietuvas piekrasti ap Palangu un Klaipēdu vēl līdz pat XIII gadsimtam apdzīvo galvenokārt tikai kurši.

Lingvistiskais un etnogrāfiskais materiāls par zvejniecību (jūras un saldūdeņu) dos arī jaunas, varīgas liecības par materiālās kultūras attīstību Baltijas jūras rajonā.